

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира (Италия)

УДК 821(450).09"20"

EDN ZDJSUH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-206-212>

«МОЙ КАРСТ» ШИПИО ЗЛАТАПЕРА КАК МАНИФЕСТ «НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Сабурова Людмила Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Аннотация. Статья посвящена анализу автобиографической книги итальянского писателя Шипио Златапера «Мой Карст». Сочинение Златапера далеко от классической автобиографии, его следует отнести к экспериментальной автобиографической прозе, разработкой которой занималось объединение писателей, группировавшихся вокруг журнала «Воче». «Мой Карст» полностью отвечает критериям, предъявляемым объединением к образцам «новой литературы»: это произведение крупной литературной формы, состоящее из автобиографических фрагментов разных стилей, многие из которых написаны лирической прозой. В соответствии с идеями сотрудников журнала, «Мой Карст» является сочинением глубоко личного содержания и вместе с тем универсальным поэтическим высказыванием. На стадии редактирования писатель удаляет многие фрагменты, связанные с подробностями его личной жизни. В результате он создает миф, в основу которого положена история его творческого формирования. Начинаясь в форме сказки о чудесных далеких землях, «Мой Карст» трансформируется в иронический рассказ о взрослении и завершается исповедальным повествованием о потере любви, особую важность в котором приобретает концепт озарения. В своей автобиографической книге Златапер видит возможность культурной самоидентификации, самоопределения в итальянском литературном процессе. Программный характер книги подтверждает упоминание журнала «Воче» в самом произведении. Златапер рассчитывает, что круг его читателей не ограничится друзьями-единомышленниками, он видит себя «народным поэтом», способным донести революционные идеи объединения до широкой публики.

Ключевые слова: Шипио Златапер, автобиографическая проза, журнал «Воче», лирическая проза, фрагмент, сказка, миф, итальянская литература XX в.

Для цитирования: Сабурова Л.Е. «Мой Карст» Шипио Златапера как манифест «новой литературы» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 206–212. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-206-212>

Research Article

“MY KARST” BY SCIPIO SLATAPER AS A MANIFESTO OF THE “NEW LITERATURE”

Liudmila E. Saburova, PhD in Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mila.saburova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7635-6060>

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the autobiographical book *My Karst* by the Italian writer Scipio Slataper. Slataper's work is far from a classical autobiography; it should be classified as experimental autobiographical prose, developed by a group of writers who gathered around the magazine *Voce*. *My Karst* fully meets the criteria set by the group for examples of “new literature”: it is a large literary work made up of autobiographical fragments in various styles, many of which are written in lyrical prose. According to the ideas of the magazine's staff, *My Karst* is a work of deeply personal content, yet at the same time, it is a universal poetic statement. During the editing stage, the writer removes many fragments related to the details of his personal life. As a result, he creates a myth, the foundation of which is the story of his creative formation. Starting in the form of a fairytale about wondrous distant lands, *My Karst* transforms into an ironic tale of growing up and ends with a confessional narrative about the loss of love, in which the concept of enlightenment becomes especially significant. In his autobiographical book, Slataper sees an opportunity for cultural self-identification, for self-determination in the Italian literary process. The programmatic nature of the book is confirmed by the mention of the *Voce* magazine within the work itself. Slataper expects that his readership will not be limited to friends and like-

minded individuals; he sees himself as a “people’s poet”, capable of conveying the revolutionary ideas of the group to a wider audience.

Keywords: Scipio Slataper, autobiographical prose, “Voce” magazine, lyrical prose, fragment, fairy tale, myth, 20th-century Italian literature.

For citation: Saburova L.E. “My Karst” by Scipio Slataper as a manifesto of the “New Literature”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 206–212 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-206-212>

Для литературных объединений Италии первой половины XX в. полем свободной дискуссии, в рамках которой разрабатывалась новая поэтика, послужили литературные журналы. Активная деятельность по созданию литературы авангарда велась в журнале «Воче» (1908–1916), быстро завоевавшем известность во всей стране. Главной задачей для сотрудников журнала становится отказ от позитивистских моделей, условного «даннунцианства» и разработка нового типа высказывания. За точку отсчета в европейской литературе они берут образцы лирической прозы. Сотрудники «Воче» создают новую жанровую единицу, которую именуют фрагментом. По их замыслу, фрагмент должен стать составной частью крупной литературной формы, имеющей лироэпическую направленность. Вместе с тем, в понимании сотрудников журнала, содержательно такой конструкт может носить лишь автобиографическую направленность. Только тогда он наполнится подлинным лиризмом, став примером вдумчивого исследования авторского «я» [La cultura italiana].

Мы полагаем, что к самыми яркими образцами экспериментального автобиографического письма, воплотившим концепцию «новой литературы», разработанную журналом, относится «Мой Карст» (1912) Шипио Златапера.

Ш. Златапер родился в Триесте в 1888 г. Златапер был убежденным сторонником присоединения города к Италии, несмотря на словенское происхождение по отцовской линии [Caliaro]. Будущий писатель учился в знаменитом в Триесте лицее Данте. В период обучения Златапер ввиду болезни несколько месяцев провел на плато Карст в скалистой местности близ Триеста, ныне располагающейся на территории Словении, Хорватии и Италии (в области Фриули-Венеция-Джулия). Об опыте жизни среди суровых ландшафтов Карста писатель вспоминал с особой теплотой. После лицея Златапер отправился во Флоренцию, где окончил филологический факультет, посвятив дипломную работу личности и произведениям Ибсена. Исследование Златапера [Slataper 1944], опубликованное посмертно в 1916 г. и высоко оцененное современниками, высвечивает литературные вкусы и предпочтения будущего писателя. Во Флоренции Златапер присоединился к литературному объединению «Воче», где вместе с единомышленниками занялся разработкой концепции «новой литера-

туры» [Сабурова]. «Мой Карст» (1912 г.) – единственное сочинение крупной формы, вышедшее из-под пера писателя, погибшего на Первой мировой войне в возрасте 27 лет.

В своей книге Златапер наиболее полно воплотил представления писателей круга «Воче» о характере современного литературного произведения. «Мой Карст» – автобиография, чрезвычайно далекая от истории жизни, описанной в реалистическом ключе и хронологическом порядке. Книга состоит из разнородных фрагментов, многие из которых написаны в стилистике «prosa d’arte» [Сабурова].

В процессе работы над текстом жанр автобиографии показался Златаперу слишком тесным и не отвечающим масштабу его замысла. По свидетельствам исследователей, в первоначальных рукописях книги содержалось значительно больше сведений биографического характера, связанных, к примеру, с семьей автора, и придающих книге более личный интимный характер [Norbedo]. Сильное автобиографическое начало и теперь присутствует в «Моем Карсте», но автор принял решение удалить из книги многие подробности своей жизни, задумав превратить историю своего взросления в миф.

Структура книги во многом схожа с театральной драмой, поделенной на акты (вероятно, на собственную книгу Златапера оказало влияние кропотливое изучение творчества Ибсена) [Per il mio Carso]. Книга начинается с рассказа о детстве героя, завершающегося «интермедией», в основу которой легла лирическая проза «Спуск». Затем следует повествование о юности героя, переходящее в «интермедию» «Восхождение» (ставшее переработкой статьи «На Секкьете снег»), которая служит началом истории о переживаниях повзрослевшего героя и включает рассказ о возвращении на Карст, а также своего рода послесловие. Вставки, которые сам Златапер именует «интермедиями», написаны лирической прозой и в высшей степени метафоричны. Они могут читаться как отдельные сочинения. Деление «Моего Карста» на несколько частей действительно, на первый взгляд, напоминает деление на акты, но в книге не так просто выявить единую сюжетную линию. Книга Златапера как будто описывает «блуждания героя среди всевозможных наваждений» [Milanini: 98], в которых смешиваются реальность и вымысел, прошлое, настоящее и будущее.

В «Моем Карсте» Златаперу удалось передать лингвистическую пестроту многонационального

Триеста. В ткань литературного итальянского языка органично вплетаются диалоги на триестинском диалекте («*babbo le diceva sempre: – Beati i ocì che i la vedi*» [Slataper 1912: 11] – «папа всегда ей говорил: “Какая радость для глаз тебя видеть”»), а кроме того, отдельные слова или выражения на немецком («*non sono un grübler*» [Slataper 1912: 71] – «я не мечтатель») или из славянских языков («*brutta baba sdentata*» [Slataper 1912: 96] – «некрасивая беззубая баба»).

Как и большая часть классических автобиографий, «Мой Карст» имеет конкретных адресатов. В нем Златапер обращается к своим друзьям из «Воче», которые упоминаются в книге несколько раз. Первые абзацы книги начинаются с одной и той же фразы, подходящей на рефрен: «Я бы хотел сказать вам» [Slataper 1912: 9]. Наконец автор разъясняет: «Я бы хотел обмануть вас, но вы бы мне не поверили. <...> Вы бы сразу распознали во мне несчастного итальянца, пытающегося за ликом дикаря скрыть тревоги своего уединения» [Slataper 1912: 10]. Златапер напрямую обращается к своим друзьям – флорентийским литераторам, которых ценит выше себя. Они умны, начитанны, остры на язык, но временами «они падают духом и теряют веру во все, что проповедуют» [Slataper 1912: 71]. Книга Златапера становится своего рода посланием к друзьям, которых автор призывает следовать идеалам и не бояться трудностей. «Те, кто хочет изменить других, не имеют права на слабость. Нужно идти вперед, держась прямо» [Slataper 1912: 71].

Стремясь подчеркнуть принадлежность своего первого крупного сочинения к образцам «новой литературы», отвечающей концепции «Воче», его в некотором смысле программное значение, Златапер изображает лирического героя, выводящего альпенштоком на снегу буквы «Воче» [Slataper 1912: 75]. «Мой Карст» действительно полностью вписывается в представления писателей круга «Воче» об актуальной манере письма. И все же Златапер подчеркивает разницу между собой и флорентийскими друзьями: «Я во многом чужд их миру, это удручает меня, но и поделаться с собой ничего не могу. Более всего я люблю поговорить с обычными людьми, погрузиться в их заботы... философия и искусство меня не вдохновляют, не наполняют радостью» [Slataper 1912: 72]. Златапер отмечает свое особое положение среди флорентийских интеллектуалов. Он не претендует на роль мыслителя, ему ближе образ «народного» поэта, несущего идеи флорентийской элиты в массы. Своих друзей-флорентийцев автор тоже призывает проделать «оздоровительный» путь к сближению с людьми. Таким посылом продиктован некоторый нравоучительный пафос, свойственный повествованиям о воспитании личности.

Между тем в книге присутствует и явная сказочная тональность. К сказочным рефренам отсылают повторы: «Я бы хотел сказать вам». Рассказ о детстве главного героя помещен в полусказочный антураж: громадные дубовые леса, запорошенные снегом; хижина с почерневшей соломенной крышей; воюющие по ночам волки [Slataper 1912: 9]. По признанию самого автора, именно в этом образе его прозорливые друзья должны были распознать обман. Но рассказчик вовсе не намерен сочинять ложную историю своей жизни. Он заранее упреждает возможные обвинения во лжи, стараясь снабдить читателя ключом к пониманию своей автобиографии. История жизни Златапера рассказана сквозь призму глубоко личного поэтического восприятия реальности. Эпиграфом к «Моему Карсту» мог бы послужить фрагмент, два раза повторяющийся в книге. Первый раз это высказывание обращено к готовой влюбиться душе лирического героя. Второй раз тот же фрагмент приведен как цитата из псалма, висящего на стене комнаты рассказчика: «Всё правда, но что-то происходит сейчас, а что-то только еще произойдет в будущем. И если этой грустной зимней ночью я расскажу тебе о фее, приносящей душистые цветы в подоле, ты должна верить мне, о бедная моя душа» [Slataper 1912: 96]. Так, согласно автору, в образном ряде, рожденном фантазиями, можно усмотреть не просто занимательную игру воображения, но и очертания гипотетически возможного будущего. Полусказочный образ Карста в зачине задает тон всей первой части книги [Camerino]. Повествование о детстве героя проникнуто сказочной атмосферой, вернее всего передающей особое детское видение реальности. В одном из писем Златапер заметил: «Я так хорошо понимаю детей, возможно, я рожден для того, чтобы стать сказочником» [Slataper 1958: 370]. Перу писателя действительно принадлежит немало оригинальных сказок, большая часть из которых была опубликована посмертно [Slataper 2014]. Сказочный элемент органично сочетается с мифотворческим посылом книги, становясь неотъемлемой частью повествования о рождении поэта. К примеру, сказание об огне и ребенке, обогретом заботливой матерью, а затем поработанном чужеземцами, явно отсылает к местному фольклору, опираясь на который Златапер и сочиняет свой миф [Tommasini].

Чаще всего Златапер чередует повествование от 1-го лица с повествованием от 2-го, обращая авторские реплики к лирическому герою: «Ты можешь ходить до рассвета по молчаливому городу, в то время как пыль медленно опускается на землю» [Slataper 1912: 87]. Реже встречаются эпизоды, где рассказ о герое ведется в 3-м лице. Например, в третьем лице повествуется о школьном романе писателя: «Хорошая девушка с прелестной фигурой

и высокий, сильный юноша, временами печальный. <...> Они сидят на широком диване, крепко держась за руки и наслаждаясь теплом тел друг друга» [Slataper 1912: 54]. Рассказывая о лирическом герое в третьем лице, автор как будто подчеркивает незначительность этой давно забытой любовной истории.

В книге, очевидно адресованной не только друзьям писателя, но и более широкому кругу читателей, встречается обращение «вы» и универсальное «мы» – люди. Благодаря перемене условного нарратора и адресата читатель смотрит на описанные события с разных точек зрения, то отдаляясь от лирического героя, то идентифицируя себя с ним. Смена ракурса становится одним из главных приемов, организующих пространство книги. Повествование в «Карсте» ведется как в прошедшем, так и в настоящем времени, нередко соседствующими в одном и том же предложении. Неожиданно переводя рассказ в настоящее время, автор как будто приближает объектив, вовлекая читателя в гущу событий.

Переходя к описанию школьной поры, автор разъясняет характер будущего повествования. Златапер предупреждает, что на страницах книги он не станет помещать реалистичный рассказ о своей жизни, который не представляет интереса: «...я хотел было поведать вам о моих школьных годах... но из-под моего пера вышли бы длинные описания, наводящие скуку. Напротив, как же чудно с наслаждением рассказывать о приключениях и мечтах» [Slataper 1912: 51].

Описание жизненного пути рассказчика, а точнее, его фантазии о себе и окружающих, нередко проникнута иронией. К примеру, выбирая будущую профессию, рассказчик примеряет разные маски, представляя себя в самых разных ролях. Устав «прозябать за книгами», герой задумывается о занятиях коммерцией. Его привлекает проворство, с которым успешные предприниматели проворачивают сделки, ведут переговоры с заказчиками. «Я думал: буду стучаться во все двери. Добьюсь того, что меня отошлют в большое коммерческое представительство в Индии, в Рангун, как Учю. Раб-китаец будет обмахивать мою комнату громадным красным опахалом, чтобы мне не досаждали малярийные комары. <...> ...Я стану таким хитрым мошенником, каким еще не был ни один коммерсант. А в кармане револьвер» [Slataper 1912: 68]. Мечты об Индии остаются лишь мечтами, рассказчик и не пытается воплотить их в жизнь. Он хорошо осознает сугубо литературный характер своего мышления, иронизируя над работой собственного воображения: «Я засмеялся: почему в Индии? Почему револьвер? Чтобы блеснул как у искателей приключений?» [Slataper 1912: 68]. В ходе внутреннего монолога рассказчик дает исчерпывающий ответ на поставленные вопросы: «Дитя

мое, ты литератор. И останешься литератором, пока море продолжает заливать прошлые и будущие следы твоих ног» [Slataper 1912: 69].

С ранних лет Златапер – ярый сторонник присоединения Триеста к Италии – более всего вдохновлялся событиями эпохи Рисорджименто, героями борьбы за независимость: «Гарибальди был для меня глубоко почитаемым другом и божеством... грудь моя вздымалась, когда я читал об Оберданке. Я бы хотел умереть так же» [Slataper 1912: 57]. Переводя свою фамилию на итальянский язык, Златапер не раз именуется в книге Pennadogo (в пер. золотое перо) [Slataper 1912: 38], подчеркивая тем самым свою принадлежность к итальянской культуре. Более того, в начале повествования лирический герой убежден, что на него возложена особая миссия: вдохнуть в «италийское племя» варварский славянский дух, чтобы таким образом укрепить Италию и даровать ей «новое рождение».

Златапер сознательно смешивает в «Моем Карсте» вымысел и реальность. Персонажами книги становятся как обычные люди, некогда встреченные писателем, так и образы-символы, перенесенные на страницы книги из фантазий лирического героя. Так, беглое упоминание о встрече с товарищем по учебе Нандо Баулом, обладателем реальных имени и фамилии, или достоверный рассказ о семье писателя гармонично соседствуют в «Моем Карсте» с повествованием о символическом воскрешении героя южнославянского эпоса Марко Королевича или же с воображаемым пришествием короля лангобардов Альбоина.

Путь героя к зрелости на поверку представляет собой описание процесса формирования поэтического «я». От фантазий о мировом господстве он приходит к смирению, выражающемуся в сочувствии к окружающим его людям. Дорогу лирического героя к «обретению мудрости» Златапер описывает, прибегая к разнообразным метафорам.

Сначала лирический герой проходит своего рода обряд инициации, ощутив в себе силу гор Карста. Эта варварская энергия свободы должна сделать из него пророка, посланца славянских земель, несущего революционные идеи в древнюю культуру консервативной Италии. Лирический герой полон сострадания к славянину, живущему под гнетом более развитых соседей. «Ты словно глупец смотришь, как те, что боятся твоей боты, крадут у тебя засушливые пастбища. <...> Раб, хочешь пойти со мной?» [Slataper 1912: 39]. Напротив, итальянская культура, к которой лирический герой, несомненно, испытывает пиетет, в его понимании, нуждается в обновлении: «Бедная итальянская кровь, кровь одомашненного кота» [Slataper 1912: 41].

Сравнивая себя с Альбоином, герой видит свою роль в том, чтобы влить свежую «варварскую» кровь в жилы увядающей цивилизации. В истории пере-

рождения героя, впитавшего природную мощь и мудрость гор Карста для того, чтобы, спустившись в город, передать ее людям, явно прочитывается отсылка к ницшеанскому Заратустре и теме сверхчеловека [Volpato]. Альбоин представляется автору носителем варварской витальности, идеологии, основанной на уважении к грубой силе, не приемлющей жалости. Но лирический герой утверждает, что он «больше, чем Альбоин» [Slataper 1912: 41]. Прежде всего он поэт, призванный произвести революцию в сознании людей.

И все же по мере взросления главный герой оставляет мечты о славе варвара-бунтаря. Варварская идеология несовместима с другой главной миссией, которую Золотое перо должен выполнить. Отказавшись от воинственного революционного посыла, поэт черпает вдохновение в природе. В ходе внутреннего монолога он как будто уговаривает себя: «Замедли шаг: душа полнится, воруя у природы. Все цветет образами вокруг тебя» [Slataper 1912: 74]. Отождествляя поэтическое вдохновение с приходом весны, лирический герой переживает момент озарения, он ощущает готовность влюбиться. Любовный порыв еще не направлен на определенный объект, но оттого не менее силен: «О прекрасное создание, не ведаю цвета твоих глаз, но они голубые, потому что необъятное небо над нами голубое» [Slataper 1912: 78]. Фрагмент, посвященный зарождающемуся любовному чувству, можно по праву назвать самой поэтической частью «Моего Карста», которая завершается стихотворением, обращенным к душе лирического героя.

Символическое значение образов, содержащихся в книге, подчеркивает описание восхождения, знаменующего второй переломный момент в жизни героя. Если спуск, с легкостью проделанный полным сил поэтом, стал метафорой его победоносного «похода на город», то восхождение олицетворяет тяжелый путь героя, истощенного страданиями. Лирический герой совершает восхождение на Секкьету, гору близ Флоренции, где снова пытается ощутить единение с природой. Секкьета становится для него своего рода «новым Карстом», но временным. Восхождение на Секкьету, в отличие от условного «похода Альбоина», не преследует цели цивилизационного обновления. Лирический герой одинок и глубоко поражен горем, с которым пытается справиться, найдя путь к возрождению. Главным испытанием для него становится потеря любимой женщины. Интересно, что послужившая причиной переживаний героя история любви остается за рамками повествования. Читатель лишь узнает, что возлюбленная поэта покончила с собой, а он тщетно пытается найти объяснение такому поступку. История трагического ухода любимой женщины из жизни, действительно, имеет автобиографическую основу. В «Моем Карсте» Златапер опи-

сал переживания, связанные с самоубийством своей возлюбленной Анны Пулицер в 1910 г. [Caliaro]. В результате «Мой Карст» можно рассматривать, с одной стороны, как попытку увековечить память о любимой женщине [Luperini: 79], а с другой – поделиться опытом преодоления горя, позволившем приобрести мудрость и поэтическую зрелость.

В третьей части книги преобладает исповедальный тон. В традициях исповедальной литературы на первый план выходит мотив самобичевания, выраженный в многочисленных вопросах, оставленных без ответа. Горе становится причиной экзистенциального кризиса лирического героя.

Отказавшись вести воображаемый диалог с высшими силами, лирический герой ищет ответы на поставленные вопросы в человеческой природе. В мучительных поисках причины самоубийства возлюбленной он приходит к спасительному выводу: «Никто не может проникнуть внутрь человека и любить его так безусловно, чтобы стать с ним единым целым» [Slataper 1912: 104]. Страдания, связанные с потерей любви, приводят лирического героя к размышлениям о тайне творения. Согласно Златаперу, острее всего присутствие тайны мы ощущаем в природе, именно поэтому Карст в его понимании приобретает сакральное значение. С детских лет человек сожалеет о потере некоего блага, которым наслаждался и которого лишился. Всю жизнь он оплакивает потерю, не понимая, в чем она состоит. Нечто утраченное, однако, не дает человеку покоя. Согласно лирическому герою, «каждый лицемерно, с остервенением ищет это в теле женщины, в дружеском рукопожатии, в вере в Бога. Каждый – напрасно» [Slataper 1912: 105]. И все же эту тайну, заложенную в человеке, невозможно уничтожить, «словно маленький комочек, она не растворяется» [Slataper 1912: 90]. Мысль о тайне творения, сокрытой во всем сущем, помогает герою справиться со своей утратой, увиденной сквозь призму онтологического несовершенства земной жизни.

Преодолев гнев, примирившись с болью, поэт наконец находит успокоение. Приняв решение жить дальше, лирический герой снова способен видеть красоту мира, теперь уже ее не идеализируя. Страдания сближают его с окружающими людьми, учат сочувствию. Такова мифологическая основа книги, описывающей рождение поэта, его путь от условных богов к людям.

Можно предположить, что образ небесной заступницы и сестры, отрешившейся от жизни и тем самым указавшей поэту путь к истинному человеколюбию, косвенно отсылает нас к образу Беатриче. Справедливость такой аналогии подтверждает цитата из «Чистилища» (CANTO XXX, 73), написанная на втором плакате, висящем в комнате главного героя: «Взгля-

ни смелей! Да, да, я – Беатриче» (пер. М.Л. Лозинского) [Данте Алигьери: 292].

В свете преобразования главного героя «Мой Карст» может быть воспринят как полезный читателю дидактический пример, описывающий путь к осознанию и приятию тайны творения. В последней части книги, служащей эпилогом, поэт благодарит «справедливую природу» за то, что она создала его самого, а кроме того, Карст и Триест, ставшие его родиной. Поэт обращается к самому себе с призывом: «Благослови свою боль и со смирением и твердостью приди к ним» (т. е. к людям; курсив наш. – Л. С.) [Slataper 1912: 119]. Затем от имени своих предполагаемых единомышленников-литераторов лирический герой обращается к условным людям-братьям: «Мы любим вас, братья, и надеемся, что вы тоже нас полюбите. Мы хотим любить и работать» [Slataper 1912: 124]. Таковы последние строки автобиографической книги Златапера.

Разработанная писателями круга «Воче» концепция «новой литературы», пожалуй, нашла в книге Златапера наиболее полное отражение. «Мой Карст» написан в форме фрагментов, повествующих о разных периодах и событиях в жизни главного героя, призванных постепенно сложиться в сознании читателя в единое автобиографическое повествование. История жизни Златапера рассказана посредством образов, с одной стороны, вдохновленных реальностью, а с другой – относящихся к онирической сфере. Более того, «Мой Карст», в понимании литераторов круга «Воче», становится наиболее верным свидетельством жизни лирического героя, приобретающим почти сакральное значение, прежде всего благодаря особому авторскому поэтическому видению. Лирический компонент усиливает сказочно-мифологическая направленность книги, придающая написанному вневременное, универсальное значение. Обращаясь в книге к друзьям-литераторам, Златапер, несомненно, адресует свое произведение более широкому кругу читателей, призывая их стать его единомышленниками. С этой интенцией связано желание, войдя в диалог с условным читателем, разъяснить особенности избранной повествовательной стратегии. В завершение книги Златапер подчеркивает общечеловеческую значимость своего произведения, трансформируя «я-повествование» в условное «мы». В результате миф, созданный автором, должен рассказать не только о духовном перерождении отдельно взятой личности, но и об интеллектуалах-новаторах, несущих революционные идеи в массовое сознание.

Список литературы

Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М.Л. Лозинского, примеч. И.Н. Голенищева-Кутузова, М.Л. Лозинского. Москва: Наука, 1967. 627 с.

Сабурова Л.Е. Пути развития лирической прозы в итальянской литературе первой четверти XX в. // Вестник МГЛУ. 2019. Вып. 826. С. 143–156.

Caliaro I. Tra vita e scrittura: capitoli slataperiani. Firenze, Olschki, 2011, 157 p.

Camerino G.A. Slataper e la fiaba. Camerino G.A. La persuasione e i simboli: Michelstaedter e Slataper. Milano, Istituto propaganda libraria, 1993, pp. 37-56.

La cultura italiana del '900 attraverso le riviste. "La Voce" (1908-1914); a cura di Angelo Romanò. Torino, G. Einaudi, 1960, 801 p.

Luperini R. Simbolo e allegoria del Mio Carso. Scipio Slataper. L'inquietudine dei moderni; a c. di E. Guagnini. Trieste, ed. Ricerche, 1997, pp. 77-84.

Milanini C. Il nido disfatto. Scipio Slataper. L'inquietudine dei moderni; a c. di E. Guagnini. Trieste, ed. Ricerche, 1997, pp. 94-106.

Norbedo R. Prefazione. Slataper Sc. Il mio Carso: la redazione autografa unitaria dell'Archivio di Stato di Trieste confrontata con l'edizione della "Voce" del 1912; a c. di R. Norbedo. Venezia, IVSLA, 2009, pp. 7-15.

Per Il mio Carso di Scipio Slataper; a c. di I. Caliaro, R. Norbedo. Pisa, ETS, 2013, 166 p.

Slataper Sc. Alle tre amiche; a c. di G. Stuparich. Milano, Verona, A. Mondadori, 1958, 515 p.

Slataper Sc. Fiabe e parabole e altri scritti per i bimbi; a c. di L. Tommasini. Gorizia, Trieste, Istituto giuliano di storia cultura e documentazione, 2014, 194 p.

Slataper Sc. Ibsen. Firenze, Sansoni, 1944, 365 p.

Slataper Sc. Il mio Carso. Firenze, La Voce, 1912, 124 p.

Tommasini L. Elementi fiabeschi nel Mio Carso di Slataper. Scipio Slataper: il suo tempo, la sua città: miscellanea di studi; a c. di Fulvio Senardi. Gorizia, Trieste, Istituto giuliano di storia, cultura e documentazione, 2013, pp. 181-199.

Volpato S. La lingua delle cose mute: Scipio Slataper lettore vitalissimo. Udine, Forum, 2008, 218 p.

References

Dante Alighieri. *Bozhestvennaia komediia* [Dante Alighieri, Divine Comedy], trans. by M.L. Lozinskii, notes by I.N. Golenishchev-Kutuzov, M.L. Lozinskii. Moscow, Nauka Publ., 1967, 627 p. (In Russ)

Saburova L.E. *Puti razvitiia liricheskoi prozy v ital'ianskoi literature pervoi chetverti XX v.* [The Ways of Lyrical Prose Development in Italian Literature of the First quarter of the Twentieth Century]. *Vestnik MGLU* [Bulletin of MGLU], no. 826, 2019, pp. 143-156. (In Russ)

Caliaro I. Tra vita e scrittura: capitoli slataperiani. Firenze, Olschki, 2011, 157 p.

Camerino G.A. Slataper e la fiaba. Camerino G.A. La persuasione e i simboli: Michelstaedter e Slataper. Milano, Istituto propaganda libraria, 1993, pp. 37-56.

La cultura italiana del '900 attraverso le riviste. "La Voce" (1908-1914); a cura di Angelo Romanò. Torino, G. Einaudi, 1960, 801 p.

Luperini R. Simbolo e allegoria del Mio Carso. Scipio Slataper. L'inquietudine dei moderni; a c. di E. Guagnini. Trieste, ed. Ricerche, 1997, pp. 77-84.

Milanini C. Il nido disfatto. Scipio Slataper. L'inquietudine dei moderni; a c. di E. Guagnini. Trieste, ed. Ricerche, 1997, pp. 94-106.

Norbedo R. Prefazione. Slataper Sc. Il mio Carso: la redazione autografa unitaria dell'Archivio di Stato di Trieste confrontata con l'edizione della "Voce" del 1912; a c. di R. Norbedo. Venezia, IVSLA, 2009, pp. 7-15.

Per Il mio Carso di Scipio Slataper; a c. di I. Caliaro, R. Norbedo. Pisa, ETS, 2013, 166 p.

Slataper Sc. Alle tre amiche; a c. di G. Stuparich. Milano, Verona, A. Mondadori, 1958, 515 p.

Slataper Sc. Fiabe e parabole e altri scritti per i bimbi; a c. di L. Tommasini. Gorizia, Trieste, Istituto

giuliano di storia cultura e documentazione, 2014, 194 p.

Slataper Sc. Ibsen. Firenze, Sansoni, 1944, 365 p.

Slataper Sc. Il mio Carso. Firenze, La Voce, 1912, 124 p.

Tommasini L. Elementi fiabeschi nel Mio Carso di Slataper. Scipio Slataper: il suo tempo, la sua città: miscellanea di studi; a c. di Fulvio Senardi. Gorizia, Trieste, Istituto giuliano di storia, cultura e documentazione, 2013, pp. 181-199.

Volpato S. La lingua delle cose mute: Scipio Slataper lettore vitalissimo. Udine, Forum, 2008, 218 p.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 17.01.2025.

The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 16.01.2025; accepted for publication 17.01.2025.